

КОМНАТА БЕЗ ОКОН

Амбре Науар

Комната без окон

<https://litres.ru/73809976>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он и она неожиданно оказываются в странной комнате, в которой нет окон. Пространство выглядит замкнутым: стены белые, нет углов, нет теней, воздух стерильный, время течет незаметно. "Герои без имен" пытаются понять, как и для чего они здесь оказались и начинают исследовать помещение в поисках выхода. Глаза зацепились за мелкую надпись, которую хотелось "прочитать" носом...

Содержание

Глава 1. Пробуждение	4
Глава 2. Ложная безопасность	7
Глава 3. Точка удара	12
Глава 4. Сера и гниль	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Амбре Науар

Комната без окон

Глава 1. Пробуждение

Сначала пришел запах. Не свет, не звук, не боль. Запах.

Он был нейтральным. Стерильным. Пахло так, как мог бы пахнуть воздух, если бы его создали в лаборатории для людей, у которых нет носов: слегка озонированный, с нотой нагретого пластика и чем-то, отдаленно напоминающим дистиллированную воду.

Я открыл глаза.

Белое. Абсолютно белое. Нет углов, нет теней, нет источника света. Стены, пол и потолок сливались в единую сферу. Я лежал на чем-то мягком, тоже белом. Одел я был в белый комбинезон без швов.

Напротив меня сидела Она.

Тоже белая. Тоже без имени. Мы смотрели друг на друга ровно столько, сколько потребовалось мозгу, чтобы осознать: *я не знаю, кто я. Я не знаю, кто она. Я не знаю, где мы.*

Паники не было. Только глухая, ватная пустота. Как после сильного наркоза.

— Ты кто? — спросил я. Голос звучал чужим. Плоским.

Она покачала головой. Движение было плавным, но глаза

— сухие, испуганные.

— Не помню, — ответила она. — А ты?

— Тоже.

Мы замолчали. Тишина здесь была не акустической. Звуки гасли мгновенно, стоило им оторваться от губ. Комната поглощала эхо.

Я огляделся. Единственный объект, нарушающий белизну, находился посередине стены, на уровне глаз. Панель. Черное матовое стекло. На нем — ни кнопок, ни экранов. Только одна надпись, выгравированная так мелко, что её хотелось прочесть носом, а не глазами:

****OLFACTUS v.4.0****

Под надписью — круглый сенсор.

— Это управление? — спросила Она, подойдя ближе.

Я кивнул. Инстинктивно протянул руку, коснулся сенсора.

Панель ожила. Не светом. Звуком. Тихим, вибрирующим гулом, который я почувствовал не ушами, а костями черепа.

На поверхности возник список. Не иконки. Слова. Простые, понятные, пугающе бытовые:

1. *Свежее белье*
2. *Дождь и асфальт*
3. *Ваниль и старая бумага*
4. *Цитрус и мята*

5. *Сера и гниль*

6. *Хлорка и больница*

7. *Дым и хвоя*

Ни одного пункта «Открыть дверь». Ни «Позвать помощь». Только запахи.

— Мы в камере? — прошептала Она. — Нас тестируют?

— Похоже на то, — я посмотрел на список. — Единственный интерфейс — обоняние.

— Зачем?

— Может, мы отравились? Может, это реабилитация?

Я колебался секунду, затем нажал: *Свежее белье*.

Глава 2. Ложная безопасность

Воздух изменился мгновенно.

Не просто «запахло». Комната "стала" запахом.

Это был идеализированный аромат чистоты. Нагретая на солнце хлопковая ткань, немного мыла, следы крахмала, призрачная нотка кондиционера с запахом «альпийской свежести».

Реакция тела была немедленной. Плечи опустились. Дыхание выровнялось. Мозг получил сигнал: *Безопасно. Чисто. Дом. Забота.*

Мы с Ней переглянулись. В её глазах страх отступил, сменившись мягкой, ватной доверчивостью.

— Странно, — сказала она, и голос её стал теплее.

— Мне кажется я знаю тебя.

Я кивнул. Мне тоже так казалось. Это чувство было вязким, сладким, как сироп. Мы не знали имен, но знали, что мы *свои*. Что мы в безопасности. Что всё хорошо.

— Мы, наверное, муж и жена? — предположила она, садясь рядом. Не слишком близко, но в зоне комфорта.

— Возможно, — согласился я. — Или брат и сестра.

Мы сидели молча, купаясь в аромате выстиранного белья. Проблем не существовало. Прошлого не было. Было только это «сейчас», пахнущее крахмалом и покоем.

Прошло, наверное, минут десять.

И вдруг я заметил деталь.

Моя рука лежала на колене. Я смотрел на неё. И чувствовал ничего.

Ни тепла. Ни пульса. Ни мурашек.

Я попытался вспомнить своё лицо. Не получилось. Я попытался вспомнить, какой у меня цвет глаз. Пустота.

«Свежее белье» не давало воспоминаний. Оно давало "замену" воспоминаний. Оно стирало сложность, подменяя её комфортом.

— Это не мы, — сказал я резко.

Она вздрогнула. Аромат пошатнулся.

— Что?

— Это не наши воспоминания. Это химия. Нам просто внушили, что мы любим друг друга, потому что пахнет «домом».

Я потянулся к панели.

— Не выключай! — Она вцепилась мне в запястье. — Мне там хорошо. Там нет страха.

— Там нет *тебя*, — отрезал я и нажал: **СБРОС**.

Запах исчез мгновенно. Вернулась стерильная, безликая пустота.

Она отдернула руку, как от ожога. Смотрела на меня с ужасом и облегчением?

— Зачем ты это сделал? — прошептала она.

— Чтобы понять, кто мы. «Белье» — это наркотик. Нам

нужно что-то другое.

Я посмотрел на список. Палец завис над пунктом 2.

Дождь и асфальт.

— Готовы? — спросил я.

Она кивнула. Глаза были сухими. Страх вернулся, но теперь он был *настоящим*.

Воздух изменился мгновенно.

Не просто «запахло». Комната *стала* запахом.

Это был идеализированный аромат чистоты. Нагретая на солнце хлопковая ткань, немного мыла, следы крахмала, призрачная нотка кондиционера с запахом «альпийской свежести».

Реакция тела была немедленной. Плечи опустились. Дыхание выровнялось. Мозг получил сигнал: *Безопасно. Чисто. Дом. Забота.*

Мы с Ней переглянулись. В её глазах страх отступил, сменившись мягкой, ватной доверчивостью.

— Странно, — сказала она, и голос её стал теплее. — Мне кажется я знаю тебя.

Я кивнул. Мне тоже так казалось. Это чувство было вязким, сладким, как сироп. Мы не знали имен, но знали, что мы *свои*. Что мы в безопасности. Что всё хорошо.

— Мы, наверное, муж и жена? — предположила она, садясь рядом. Не слишком близко, но в зоне комфорта.

— Возможно, — согласился я. — Или брат и сестра.

Мы сидели молча, купаясь в аромате выстиранного белья.

Проблем не существовало. Прошлого не было. Было только это «сейчас», пахнущее крахмалом и покоем.

Прошло, наверное, минут десять.

И вдруг я заметил деталь.

Моя рука лежала на колене. Я смотрел на неё. И чувствовал ничего.

Ни тепла. Ни пульса. Ни мурашек.

Я попытался вспомнить своё лицо. Не получилось. Я попытался вспомнить, какой у меня цвет глаз. Пустота.

«Свежее белье» не давало воспоминаний. Оно давало *замену* воспоминаний. Оно стирало сложность, подменяя её комфортом.

— Это не мы, — сказал я резко.

Она вздрогнула. Аромат пошатнулся.

— Что?

— Это не наши воспоминания. Это химия. Нам просто внушили, что мы любим друг друга, потому что пахнет «домом».

Я потянулся к панели.

— Не выключай! — Она вцепилась мне в запястье. — Мне там хорошо. Там нет страха.

— Там нет *тебя*, — отрезал я и нажал: *СБРОС*.

Запах исчез мгновенно. Вернулась стерильная, безликая пустота.

Она отдернула руку, как от ожога. Смотрела на меня с ужасом и облегчением?

— Зачем ты это сделал? — прошептала она.

— Чтобы понять, кто мы. «Белье» — это наркотик. Нам нужно что-то другое.

Я посмотрел на список. Палец завис над пунктом 2.

Дождь и асфальт.

— Готовы? — спросил я.

Она кивнула. Глаза были сухими. Страх вернулся, но теперь он был "настоящим".

Глава 3. Точка удара

Я нажал.

Воздух стал холодным. Тяжелым.

Запах озона. Мокрой пыли. Нагретого битума, по которому ударила первая капля ливня после засухи. И под этим — резкая, металлическая нота. Резина. Тормозные колодки. Испарения бензина.

Меня скрутило.

Не тошнота. Удар. Физический, фантомный удар в грудную клетку.

Я упал на колени, хватая ртом воздух, но воздух был густым, вязким.

Вспышка.

Не картинка. Ощущение.

Скрип шин. Не мой скрип. Чужой. Я слышу его *извне*. Я стою на тротуаре. В руке — пакет. Бумага шуршит. Дождь только начинается.

И вдруг — свет. Фары. Слишком близко. Слишком быстро.

Удар.

Не боль. Сначала звук. Глухой, влажный стук. Как мешок с мукой, упавший с крыши.

Потом тишина.

Потом запах. Тот самый. Озон. Мокрый асфальт. И что-то еще. Медь. Теплая, густая медь.

Я лежу на земле? Нет. Я стою. Я смотрю вниз.

Вижу ногу. В странном ботинке. Неподвижную.

Вижу пакет. Бумага размокла. Из нее выкатилось что? Яблоко? Игрушка?

Я не могу пошевелиться. Не от шока. От *вины*.

Она висит на мне, как бетонная плита. Я знаю: это я нажал на газ. Или не нажал на тормоз. Я знаю это так же точно, как знаю свое имя, которого не помню.

Я — Причина.

— А-а-а — звук вырвался у меня из горла. Не крик. Хрип.

Я поднял голову.

Она сидела в другом конце комнаты. Сжавшись в комок. Лицо блее стен. Руки прижаты к вискам.

Она не видела того же.

— Что это было? — прошептала она. Голос дрожал, ломался. — Я я видела окно.

— Какое окно?

— Детская комната. Я стояла у окна. Шел дождь. Я ждала кого-то. Машину.

Она посмотрела на меня. В глазах — не узнавание. Отторжение.

— Я ждала мужа. Или отца. Не помню. Я видела фары. Они не свернули.

Она замолчала. Глотнула воздух.

— А потом стекло разбилось. Не здесь. Там, в комнате.

От удара где-то снаружи.

Она опустила руки.

— Ты был за рулем?

Я не ответил. Мне не нужно было отвечать. Мой желудок скрутило спазмом. Я знал этот запах меди. Я знал этот вес вины.

— Да, — сказал я. — Я был за рулем.

Она отползла еще дальше. Вжалась в стену.

— Ты убил кого-то?

— Не знаю. Я не помню, кого. Я помню только что я не остановился. Или не смог.

— А я, — она всхлипнула, но слез не было, — я была тем, кто ждал у окна.

Пауза повисла тяжелее бетона.

Мы не муж и жена. Не родственники.

Я — тот, кто сбил.

Она — та, кто потерял.

Или наоборот? Может, я сбил её мужа? Её сына?

«Дождь и асфальт» не дал нам полной картины. Он дал нам *полярные фрагменты*. Одну и ту же трагедию — с двух сторон разлома.

— Выключи, — прохрипела она. — Пожалуйста. Выключи этот запах.

Я нажал **СБРОС**.

Стерильность вернулась. Но она уже не была нейтральной.

Теперь она пахла ложью.

Глава 4. Сера и гниль

Мы сидели молча долго. Я не знал, как к ней обращаться. «Жертва»? «Свидетель»? «Вдова»?

Она смотрела в пол.

— Зачем нас поместили вместе? — спросила она наконец.
— Если ты если это ты сделал зачем мне быть здесь? Чтобы я тебя простила? Чтобы ты искупил вину?

— Не знаю.

— Это пытка, — она подняла голову. Глаза были красными, но сухими. — Нас заставляют переживать одно и то же, но с разных сторон.

Я посмотрел на панель. Осталось несколько вариантов.

Мой палец дрогнул над пунктом 3: **«Ваниль и старая бумага»**.

— Нет, — сказала она, увидев мой жест. — Только не это. Я не хочу снова чувствовать фальшивую нежность.

— Это не нежность, — возразил я, хотя сам не был уверен.
— Посмотри на описание. «Ваниль и старая бумага». Это не «белье». Это что-то другое.

— Почему ты хочешь это включить?

— Потому что я хочу понять механизм. «Белье» стирало личность. «Дождь» раскалывал её. Что делает этот?

Она молчала. Потом кивнула. Едва заметно.

— Включай. Но если начнется эта «любовь» я вырву тебе глаза.

Я нажал.

Запах наполнил комнату медленно. Не ударом, а обволакиванием.

Сладкая, теплая ваниль. Но не кондитерская. Тягучая, как бальзам. И сухая, пыльная нота старой бумаги. Переплетный клей. Пожелтевшие страницы. Чернила, въевшиеся в волокна.

Это не был запах «дома». Это был запах *памяти*.

Не моей. Не её.

Чужой.

Я закрыл глаза. И увидел библиотеку. Нет, не библиотеку. Архив.

Я сижу за столом. Передо мной — папка. На ней надпись: «Дело 482».

Я открываю её. Там фотографии. Текст. Протоколы.

Я читаю. И я не чувствую вины. Я чувствую профессиональный интерес. Холодный, отстраненный. Я анализирую. Я оцениваю риски. Я думаю: «Как это монетизировать?», «Как закрыть дело?», «Как сделать так, чтобы общество забыло?».

Я — не водитель.

Я — юрист. Или пиар-менеджер. Или страховой агент.

Тот, кто приходит *после*. Тот, кто заминает.

А рядом я чувствую присутствие другого «Я».

Оно плачет. Но не от горя. От бессилия.

Оно пытается доказать, что «это было не случайно». Что «виноват должен ответить».

Но его голос тонет в запахе ванили и бумаги. В уюте архива. В тепле системы, которая перемалывает трагедию в документооборот.

Я открыл глаза.

Она смотрела на меня. И в её взгляде было не отторжение. Было понимание.

— Ты не водитель, — сказала она тихо.

— Нет, — ответил я. — Я тот, кто составил тебе документы о возмещении ущерба. Я тот, кто принес тебе конверт с деньгами и сказал: «Подпишите здесь, и мы закроем тему».

Она рассмеялась. Звук был страшным. Сухим, как та бумага.

— Да. Я помню этот запах. Ваниль. И пыль. Ты пах так, когда пришел ко мне через неделю после того, как разбили окно.

— Я принес чек.

— Ты сказал: «Жизнь продолжается».

Мы смотрели друг на друга.

«Дождь и асфальт» показал нам физическое столкновение.

«Ваниль и бумага» показала нам столкновение социальное.

Я — Система.

Она — Человек, которого Система попыталась «упаковать» в комфорт забвения.

— Зачем мы здесь? — спросила она. — Чтобы я простила Систему? Чтобы ты почувствовал вину?

— Нет, — я покачал головой. — Чтобы мы поняли: ни то, ни другое не работает.

Я посмотрел на панель. Оставался один вариант, который мы еще не трогали.

Пункт 5.

Сера и гниль.

— Это последний шанс? — спросила она.

— Или последний ад.

— Включай.

Сера и гниль.

— Это последний шанс? — спро

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.